

Литаврин внимательно проанализировал источники Кекавмена и правильно подчеркнул, что он постоянно пользовался Писанием (стр. 40); в отличие от Литаврина я только думаю, что и житийную литературу наш автор знал неплохо: его зависимость от «Чудес св. Николая» довольно очевидна (см. выше), а из «Жития Марии Египетской» приведена прямая цитата (см. стр. 619, прим. 1256⁴⁸). Те крохи светских знаний, которые рассеяны по «Советам и рассказам», могли быть почерпнуты (помимо стратегиконов) из каких-либо компендиумов и словарей.

Знание получает у Кекавмена этическую окраску: творящий беззаконие (мздоимец) пребывает, по его суждению, «во мраке невежества», даже если он многоучен и исполнен всяческого разумения (стр. 126.27—29). А мнение Кекавмена о врачах (стр. 224.12—15), вполне отвечающее средневековым предрассудкам, вряд ли свидетельствует о его образованности.

Этические воззрения Кекавмена полно и четко охарактеризованы Литавриным (стр. 100 и сл.). В этой связи особенно важен вопрос о дружбе: в свое время я старался показать, что в трактовке дружбы Кекавмен особенно близок Симеону и что негативное отношение к этой форме социальных связей типично для индивидуализма византийского чиновничества. Как интеллектуалы типа Пселла, так и провинциальная аристократия придавали дружбе (хотя и по разным основаниям) весьма высокое значение. Литаврин колеблется в оценке позиции Кекавмена по отношению к дружбе. Он настаивает, что писатель допускал существование истинной дружбы, и вместе с тем подчеркивает: «Кекавмен делает акцент не на положительных, а на отрицательных последствиях дружбы» (стр. 101; ср. еще стр. 421 и сл., прим. 401). Я не раз цитировал относящиеся сюда высказывания; не стану повторять их здесь, ограничившись лишь напоминанием, что негативная оценка Кекавменом дружбы не была книжной, но зиждилась на личном опыте. «Я никогда не хотел иметь товарища и не садился за стол с равным мне, разве только по необходимости» (стр. 242.12—14), — так говорил он.

Литаврин пишет далее: «Кекавмен живет в вечном состоянии ожидания беды» (стр. 103). Это очень точная характеристика. Я думаю только, что такое психологическое состояние типичнее для чиновника, все время ожидающего немилости начальства⁴⁹, нежели для провинциального феодала — полунезависимого владельца своей земли.

Таковы некоторые уточнения к концепции Литаврина. Я далек от мысли, что мои возражения неоспоримы. Я преследовал более скромную цель — показать, что оценка Кекавмена как полководца и идеолога провинциальной знати все еще остается дискуссионной. Было бы осторожнее не выносить слова «сочинение византийского полководца» на титул очень важной и интересной публикации Литаврина.

А. П. Каждан

Ответ рецензенту

В осуществленном нами в 1972 г. новом издании «Советов и рассказов» Кекавмена мы писали, что состояние современной историографии этого памятника позволяет предвидеть еще более оживленный обмен мнениями после выхода в свет нашей публикации (стр. 39).

Действительно, рецензия А. П. Каждана, публикуемая в данном томе «Византийского временника», является уже шестым откликом на наше издание¹. Рецензенты сделали ряд критических замечаний, не согласились они и с некоторыми нашими выводами и заключениями. Особенно много новых предложений по греческому тексту содержится в рецензии Р. М. Бартияна, указавшего и на погрешности нашего перевода.

Решили мы ответить, однако, только на рецензию Каждана, поскольку в ней поставлены под сомнение некоторые из наиболее существенных наших выводов и среди критических замечаний рецензента содержится много таких, которые мы считаем ошибочными, альтернативными или лишенными какого бы то ни было значения.

При публикации источника, в особенности публикации повторной, претендующей на более точную передачу текста памятника, «мелочи» играют порой важную роль. Представляется поэтому вполне оправданной та тщательность, с которой рецензент отмечает недочеты нашего издания. Мы с благодарностью принимаем те из них, которые признаем бесспорными (ниже мы детально их перечислим). Но мы не можем признать большую часть названных Кажданом недостатков.

⁴⁸ Более точный перевод этой фразы см. С. В. Полякова. Византийские легенды. Л., 1972, стр. 85.

⁴⁹ О нестабильности статуса византийских чиновников XI в. см. теперь: G. Weiss. *Oströmische Beamte im Spiegel der Schriften des Michael Psellos*. München, 1973, S. 38, 42 u. a.

¹ М. Vojnov. Nouvelle édition de Kékauménos. — «Etudes balkaniques», 1973, 2, p. 127—130; G. Cankova-Petkova. De nouveau de Kékauménos. — «Bulgarian Historical Review», 1973, 3, p. 61—77; H. Mihăescu, in: «Revue des études sud-est européennes», XI, 1973, 3, p. 571—573; Г. Л. Курбатов. — ВИ, 1973, № 11, стр. 158—161; Р. М. Бартияна. Некоторые замечания о «Советах и рассказах» («Стратегиконе») Кекавмена. — «Вестник общественных наук АН Арм. ССР», 1974, № 2, стр. 71—88.

Центр тяжести рецензии приходится на ее вторую часть, в которой Каждан рассматривает некоторые важные положения нашего введения к изданию, как и систему доказательств этих положений. Естественно поэтому было бы начать ответ с этой части рецензии, так как именно здесь подняты наиболее существенные вопросы общественно-политической и идеологической жизни империи XI в.

Мы предпочли, однако, композицию, предложенную рецензентом, в силу двух причин: читателю легче сравнивать и выносить суждение при таком порядке изложения; сам Каждан готов видеть корни собственной, отличной от нашей, концепции мировоззрения Кекавмена (и его современников) не только в иной трактовке текста, но и в ином его переводе на русский язык.

Итак, последуем за рецензентом. Он начинает с анализа тех внесенных нами в текст конъектур, авторство которых принадлежит непосредственно нам.

Всего этих конъектур 39. Из них 12 Каждан считает удачными, 18 — вкусовыми, 8 — произвольными и 1 — ошибочной. Одну ошибочную (удаление арктикля τῷ перед предполагаемым ὅδον) мы признаем безусловно (см. стр. 264.12). Из прочих 28 «вкусовых» и «произвольных» рецензент специально упоминает 18, из которых только две касаются не имен собственных (перемещение отрицания οὐ — стр. 268.6 и написание καὶ ἔνα вместо рукописного καὶ ἑνα стр. 276.26). Остальные 16 оспариваемых Кажданом конъектур относятся к транскрипции имен собственных и географических и этнических названий («содержание» имен и названий при этом остается тем же).

Мы не склонны придавать серьезное значение вопросу о написании названия Λάρσα или (как у нас) Λάρσσα, а также: Λαρσαῖοι или Λαρσσαῖοι (11 случаев). В рукописи преобладает написание с одной «σ». Первые издатели предпочли этот вариант, я же — тот, который характерен для образованных византийцев (Константина Багрянородного и Михаила Атталиата; в «Хронографии» Михаила Пселла — одна «σ», а в издании его писем Курцем и Дреклом — две. Ср. также написание сходного названия: в «Хронографии» Никифора Ἐδεσα, а у авторов X—XI вв. — Ἐδεσσα). Точно то же можно было бы сказать и о написании родового имени Романа IV (Ἀργυρόπουλος, как предпочли мы, или Ἀργυρόπωλος, как предлагает рецензент, ссылаясь на написание рукописи: ἀργυρόπωλος — см. стр. 280.4).

В четырех случаях мы, однако, отстаиваем точность нашей транскрипции: в рукописи ρουπέρδος (см. стр. 254.9) и Ῥουπέρδος (стр. 186.19) мы предпочли оспариваемое рецензентом Ῥομπέρδος, так как ρ и π почти неразличимы в рукописи, но как раз соответствуют среднегреческому звуку «б», вполне «уместному» в имени норманского вождя Роберта Гвискара. В рукописи φιλιππουπύλωος мы даем Φιλίππου-πύλωος, Каждан полагает, что нужно Φιλίππου πύλωος, так как это оправдано двумя ударениями рукописи. Но нашему мнению, важнее тот факт, что слово дано там слитно (случаев же двукратных и даже трехкратных ударений на одном слове в рукописи — изобилие). В рукописи ῥώων, у нас — Ῥώους. Мы предпочли флексивную форму (поменяв только падеж), а не архаичную Ῥώς, ибо флексивную избирают также современные Кекавмена Пселл, Атталиат и Иоанн Скилица.

В заключение наших примечаний к этой части рецензии Каждана выразим законное удивление: рецензент шипит, что мы на деле приняли не 22 (как сказано на стр. 33), а 39 конъектур Лемерля (стр. 155). Сочли бы абсолютно недопустимым подобного рода «арифметический промах», если бы он действительно имел место. Каждан приписал Лемерлю авторство еще 17 конъектур, тогда как они лишь одобрены Лемерлем, а предложены впервые Васильевским и Ериштедтом (что отмечено самим Лемерлем). Эти 17 конъектур обозначены нами под соответствующим индексом В-Е (а не Л) и в подстрочных примечаниях и в списке на стр. 308—310. На тех же основаниях (подлинное авторство) мы не приписываем себе множество других бесспорных конъектур первых издателей, не всегда оговаривая их в подстрочнике и в списке конъектур, ибо такого рода конъектур не десятки, как говорит рецензент (стр. 155), а несколько сот.

Переходим к конъектурам, предложенным Кажданом.

Стр. 188.1—2: вм. ὑπὲρ ἑξουσίαν — ὑπ'ἑξουσίαν, как более отвечающее логике пассажа, так как речь идет, по мнению рецензента, о подчиненных стратигу должностных лицах². Но Кекавмен неоднократно употребляет предлог ὑπὲρ в значении «кроме», «помимо» (см., например, стр. 188.22, т. е. здесь же!). Текст осмысливается так же, как понимает его рецензент, без конъектуры: все предыдущие параграфы раздела «Стратегикон» обращены к стратигу, а заключительный — к прочим, имеющим в феме власть, «помимо власти стратига» (они же и подчинены стратигу).

Стр. 244.7: вм. πονηρὸς — φρόνιμος³. Считая неправильным наш перевод слова πονηρὸς как «неутомимый», Каждан ссылается на словарь Лиддла — Скотта, в котором oppressed by toils означает «измученный». Но oppressed by toils значит также «загруженный работой», что вполне подходит к контексту, где идет речь о человеке, приносящем благо не только себе, но и другим.

Стр. 262.13: вм. αὐτὸν — αὐτόν, ибо без этой поправки наша попытка трактовать слово συνείδησις как «бессовестность» является будто бы «противоположной смыслу». Каждан с учетом своей конъектуры понимает это место как указание на то, что Никулица был опечален в своем сознании». Но см. Лиддла — Скотта: συνείδησις — также crime, conscience, т. е. «преступление», «бесстыдство».

² Такую же конъектуру предлагает и Бартикий (указ. соч., стр. 76).

³ Бартикий предлагает πονηρός («трудолюбивый») (там же, стр. 80).

Стр. 292.22—23: вм. *στρατῖας* — *στρατιώτας*. В правке нет необходимости: экзуссия видов собственности давалась действительно не вещам (!), а людям. Это ясно из текста и без поправок, а об экзуссии моста, мельницы, корабля, скота можно прочесть и в кн.: А. П. Каждан. Деревня и город. М., 1960, стр. 183.

Стр. 228.14: вм. рукописного *αὐτῶν* — *αὐτῶν*, а не как у нас — *αὐτῶν*. Вполне вероятно, но не более того (смысл остается тем же).

Из предложенных рецензентом поправок мы признали бы заслуживающими внимания две: стр. 228.14 — исправить глагол *δειπνᾷ* на существительное *δειπνά*; стр. 230.30 — читать *χρηῶν* вм. *χρησίων* как более оправданное логикой пассажа.

В этом же разделе (конъектуры!) автор рецензии отмечает пропущенную нами опечатку: стр. 246.19 — местоимение *οἱ* передано как артикль *οἱ*.

Переходим к замечаниям Каждана к нашему переводу сочинения Кекавена. Разделим их на три группы: к первой отнесем те отмеченные рецензентом погрешности, которые мы не собираемся оспаривать, ко второй — отвергаемые нами и к третьей — дискуссионные.

К первой группе принадлежат указанные Кажданом ошибки на стр. 126.24, 140.2, 142.8, 158.27, 192.29, 194.2, 218.9—10, 222.6, 230.10—14, 252.15, 266.26, 284.28—29, 286.13, 18—19, 294.4 (все эти места легко сверить, обратившись к помещенной выше рецензии Каждана). Среди них мы отметили бы как наиболее важные три: на стр. 192.29, 218.9—10 и в особенности — на стр. 284.28—29: предложенное рецензентом понимание значения терминов *ἐκταγή* и *ἀγωγή* впервые со времени изучения сочинения Кекавена позволяет удовлетворительно уяснить смысл данного пассажа.

Всякий перевод является в той или иной мере толкованием источника. И в перечисленных ниже случаях мы не можем принять то понимание текста, которое предлагает рецензент, отвергая при этом наш перевод.

Стр. 120.14: *οἰκονομία* не «предопределение» (как у нас), а «совокупность действий Христа во спасение» (рода человеческого). Бек, отмечая это редкое и специальное значение данного термина (в «*Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich*». München, 1959, S. 288), предпочел в своем переводе обычное — «попустительство» (*Zulassung*). Слово означает также «промысел», «воля», «управление», «разрешение», и в случае, когда имеется в виду бог (а это ясно из контекста), считаем вполне уместным также «предопределение». Вряд ли в этой вскользь оброненной фразе Кекавен имел в виду именно «искупительную жертву Христа».

Стр. 124.5—10, 186.19, 188.14. Рецензент признает верным перевод выражения *συτῆρησις* как «попустительство божие» (стр. 188.14) и неверным «соизволение божие» (в двух других случаях). Синонимичность этих значений подчеркнута в словаре Поспишила. Тонкостям нюансов, усмотренных здесь рецензентом, противоречит тот факт, что замечание «я страпсус» стоит не после «попустительства», а после глагола *φθάσης* — «окажешься», общего для всех трех ситуаций (условий успеха), а не только для одной, как это трактует А. П. Каждан.

Стр. 284.12—13: *πτόχους λαόν*. Каждан предлагает переводить не «Держи войско в бедности», а «Держи народ в бедности». Прежде чем отвергать этот перевод, следовало бы доказать несостоятельность нашего сближения этого пассажа с рассказом Пселла, позволяющим уточнить, о чем идет речь. Бек, аннотировавший нашу статью «Кекавен и Михаил Пселл о Варде Склире» (ее существо изложено в прим. 1198 к изданию)⁴, возражая по другим вопросам, признал «идентичность спен» (BZ, 65/1, 1972, S. 132). Подсчеты рецензентом случаев употребления слова *λαός* в значении «войско» или «народ» нам представляются излишними (все определяет контекст), хотя также свидетельствуют скорее в нашу пользу. Каждан полагает, что значение «народ» вытекает из предыдущей фразы текста, но значение «войско» оправдано следующей. Кроме того, перевод рецензента представляется совершенно немислимым: никто из византийцев не мог дать совета, который находился бы в прямом противоречии с официальной и традиционной доктриной императорской власти в Византии, где василевс всегда «пекся» о благе подданных, карая только несправедливых (динаотов или непокорных военных).

Стр. 148.29: *ἀκρότεροι* предлагается переводить только как «более быстрые», хотя есть значения «более трудолюбивые», «более неутомимые» (*impiger, ἀκρότερος-ἀκρόνος*).

Стр. 164.18: мы предпочитаем свой перевод (см. словари).

Стр. 168.10: *κλασματίσσοι* сс. Возразим: *κλάσμα* — не только «разрыв», но и «часть», «обломок». См. также контекст.

Стр. 190.13 *ἀναγκία*. Речь идет именно о продовольствии, и это значение слова встречается в византийских текстах сплошь и рядом. Совершенно непонятно, почему рецензент предлагает переводить строго этимологически: «необходимое». См. хотя бы «Историю» Льва Диакона: *ἀπορία τῶν ἀναγκιῶν τὰ σώματα ἐλυμαίνετο*⁵.

Стр. 196.27: *Τελώνης ποταπὸς δίχαλος*; Каждан предлагает переводить *ποταπός* словом «какой», но в среднегреческом оно означает также «низкий», «подлый», да и в древнегреческом имело значение латинского «*iste*» с пейеративным смыслом.

⁴ См. «Byzantinische Forschungen», 3, 1968/1971, S. 157—164.

⁵ *Leonis Diaconi historiae libri decem*. Bonnae, 1828, p. 60.9.

Стр. 200.28. Предлагается убрать из перевода «огорченные», ибо соответствующего слова нет в оригинале. Но *συνάχθεντες* есть причастие от *συνάχθωμαι* («огорчать»), а не от *συνάγωμαι*.

Стр. 224.22 *ἄριστον* предлагается понимать не как «обед», а как «утренний плотный завтрак». Лидди — Скотт отмечают отсутствие строгого значения этого слова, специально указывая, однако, что в поздний (т. е. средневизантийский) период breakfast was called *ἄριστον* and *ἄριστον* was the midday meal. Обратимся к другому месту Кекамена (стр. 216.20): «не дари после *ἄριστον*, так как подумаю, что ты сделал дар в омынении». После завтрака византиец трудился, а вот после обеда, подвыпив, соблюдал сиесту. См. и у Скилицы: во время войны со Святославом ромеи рассеялись под Доростолом *πρὸς ἄριστον περὶ δειλὴν ὄψιν* («для еды под вечер»).

Стр. 226.18: *στратυδαίς* предлагается переводить не «если ты стратиот», а «отправившись на войну», ибо это причастие от глагола *στρατεύομαι*. Но, как отметила Э. Гликатци-Арвейлер, в XI в. причастие от этого глагола употребляется в значении «воин» даже чаще, чем слово *στρατιώτης*⁶.

Стр. 226.20—21: *Φεύγε δὲ ἀπὸ κατήλοπόλεμου· τρωθεὶς γάρ θανήσῃ καὶ μετὰ θάνατον ὄναιδος ἔσῃ*. У нас: «Однако избегай трактирной ссоры, так как если умрешь от раны, то не смоешь позора и смертью». Предлагается: «Избегай трактирных драк: там будешь ранен, умрешь и после смерти покрыт позором». Непонятно, почему рецензент решил, что в нашем переводе идет речь о том, чтобы «смыть позор смертью в трактирной драке» (?). Считаю свой перевод точнее: γάρ опускать не следует, τρωθεὶς не глагол, а причастие, θανήσῃ следует переводить «умрешь», а не «будешь убит».

Стр. 228.4: *θυμωμένοι* предлагается переводить «гневливые». Но речь идет о пагубности любовной страсти, а не о гнев; *θυμῶ* означает также «вспыхивать», «распалиться»; у нас — «испытывать сильные чувства»⁷.

Стр. 240.23. Согласен с рецензентом, хотя и неясно, почему нужен абсолютно буквальный перевод.

Стр. 264.10, 16, 23: *πρόκριτος* — предлагается заменить «избранник» на «первенствующий». Не видим к тому оснований. «Первенствующий» скорее *πρωτεύων*.

Стр. 302.30—31: *τὸ βασιλεῖον κράτος* — не «царский престол», а «сам царь». Обычно в византийских памятниках, когда имеется в виду сама личность императора, добавляются притяжательные местоимения *σοῦ* («твоя»), *ἡμῶν* («наша») и т. д., что отмечает и рецензент.

К дискуссионным замечаниям рецензента к переводу мы относим следующие:

Стр. 118.2: *καὶνοτομία* лучше переводить не «взыскание», а «несправедливость», ибо стр. 150.15, 17 это слово также имеет значение «несправедливого новшества». Мы полагаем, что более конкретный смысл диктует контекст. На стр. 150.15, 17 оно имеет значение «расход», «ущерб», а на стр. 196.24 сам Каждан трактует это слово как «незаконное изъятие» («незаконно обретенное»).

Стр. 196.24—26. Рецензент переносит запятую на место после *ῥόγας* и понимает текст в том смысле, что при попытках откупщика обмануть (*παιστῆσαι*) казну, сохранить и «незаконно обретенное», и ругу подручных придется выплатить и то, чего он не взыскал (*ἀπῆρτας*). Перенос запятой равноценен конъектуре. Мы остаемся при своем мнении: аорист может быть здесь переведен будущим временем, *παιστῆσαι* значит также «остерегаться» (казны), т. е. честно «исполнять дело», *ἀδικῆσαι*, бесспорно, «обидеть» (ср. выше, замечание к стр. 126.24: *ῥδίκησε* не «огорчил», а «обидел»). Стилистически текст, по нашему мнению, не оправдывает толкования Каждана.

Стр. 120.1—2. Рецензент справедливо указывает на то, что Кекамен не точно цитирует евангелие, а мы даем перевод в соответствии с каноническим переводом. В другом месте (см. стр. 132.3) Каждан, напротив, упрекает нас за то, что мы точно следуем греческому тексту Писания, отступая от канонического перевода. *πολιτεία* — все-таки не только «образ жизни», но и «поведение».

Стр. 122.18: *καταγνώσεται* предлагается понимать безлично — «дабы не заподозрили тебя» (?). Не менее сомнительно.

Стр. 196.3: *περισσεύμενον ἐκ τῶν πάντων νομισμάτων τε καὶ πραγμάτων* рецензент переводит — «имевший в изобилии все: и номисмы, и всякое добро». Дело — в интерпункции. Даже допустив вместе с Кажданом, что *τε* относится к *νομισμάτων* непосредственно, мы сохраним наш перевод, так как *πᾶς* (вопреки мнению рецензента) имеет также значение «всякий» (= *παντοῖος*), т. е. «имевший в изобилии всевозможные и номисмы, и вещи».

Стр. 198.7—10: *δέχα... χρόνους* рекомендуется увязывать не с глаголом *ἄρουν*, а с причастием *ἀπαιτηθέντες*. Далеко не очевидно.

Стр. 210.21—22: *λογικά καὶ θεωρητικά*, согласно рецензенту, не противопоставляются (это — «духовные и умозрительные» науки). Но что же это все-таки? В нашем переводе — попытка осмысления.

Стр. 220.4: *χέρσον ἐργαζόμεθα*⁸ трактуется как «возделываем целину». Но соответствует ли это логике пассажи?

⁶ Н. Glykatzis-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin. — ВСН, 84, 1960, р. 10.

⁷ Иначе понимает фразу Бартиякн: «Очень раздражительные люди совершают большие преступления» (указ. соч., стр. 87).

⁸ Бартиякн предлагает читать не *χέρσον*, а *χρυσόν*, «золото» (указ. соч., стр. 79).

Стр. 262.21—24. Каждан полагает, что λέγουσιν в этом трудном месте можно осмыслить не как 3-е л. мн. числа наст. врем. глагола, а как дат. пад. мн. числа причастия. Трудности, однако, остаются.

Стр. 128.27: τοῦ κακοῦ ἀπότησις толкуется как «возмещение бедствия», значение «спроступление» (κακόν) отвергается безапелляционно, хотя речь идет именно об убийстве (φόνος), ибо это взыскание названо «эпирией», а эпирия, по утверждению рецензента, не имеет ничего общего с поборами за преступления. Но откуда такая уверенность? Эпирия — сверхординарный побор (в отличие от ординарного судебного сбора — ἀνρικόν), и он мог взиматься и за «сверхординарные» преступления (убийство).

Стр. 194.23: «Ἑλλήν надо переводить «язычник». Это замечание не к переводу, а к комментарию, где мы констатируем, но не полемизируем.

Стр. 194.28 περὶ σποραχτορία трактуется не как «откуп налогов», а «чрезмерные налоговые взыскания». Следовало бы при этом опровергнуть наблюдения Ф. Дэльгера (см. прим. 566), проследившего употребление этого термина в актах.

Стр. 204.19: ἐξωτικῶς не «перед домом», а «наружу». Но смотри контекст.

Стр. 250.12: ἐπαθόν не «пострадали», а «перенесли». Не вижу принципиальной разницы. Вопреки мнению Каждана, семья Никулицы также пострадала, хотя и меньше, чем другие ларисские: переселение (и переселение насильственное) было бедствием — поэтому Кекавмен и приводит этот пример (следует опасаться такой беды).

Стр. 296.28: ἐξέλθης βασιλικῆς —⁹ не «уйдешь от престола», а «выйдешь по царской дороге». Возможно, но см. словари ἡ βασιλική «подразумевается τὸ αὐτὸ — «присутственное место царя».

Стр. 304.9—10: ὑπὸ τῆς βασιλείας τῶν κυμάτων — не «по воле волн», а «по царственности волн». По-русски ли?

Стр. 156.19—20: ταπεινός и ταπεινότης не «скромный» и «скромность», а «смиренный» и «смирение». Но речь идет о стратегии, отдыхающем от похода (см. весь пассаж — стр. 156.19—25). Наши попытки принять перевод А. П. Каждана не дали успеха — ср. особенно стр. 156.20: «будь смиренен внутренне» (?).

Стр. 188.26: καλαμώνας¹⁰ — не «кустарники», а «заросли камыша (тростника)». Справедливо: византийцы разводили тростник для плетения корзин, цыновок и т. п. Но «эргастирий» ниже упомянут, к сожалению, не в связи с «тростником», а с «мельницами и «автургиями».

Стр. 216.27: ἰδιῶται — не «невежественные», а «простые люди». Контекст оправдывает и наше понимание. См. Деяния, 4,13: ἀγράμματοι καὶ ἰδιῶται¹¹.

Итак, мы рассмотрели замечания Каждана и к конъектурам, и к переводу. Предоставим читателю судить, в чем эти замечания справедливы, а в чем — нет.

Переходим к замечаниям рецензента к комментарию. Каждан справедливо сожалеет, что имя сына Никулицы Панкратий (Баграт — арм.) и термины αὐτεξούσιος и ἀπεξούσιος остались без специального комментария. Отметил Каждан и ошибки, касающиеся эпарха при Константине I и печати «Георгия Коринфского». Но он неправ, упрекая нас в путанице по поводу датировки удаления от двора Георгия Коринфского. Период между маем 1067 и октябрем 1071 гг. указан нами не как предполагаемое время самого акта высылки Георгия из дворца, а как время его пребывания в удалении. Никакого противоречия, которое усмотрел здесь рецензент, нет. Не можем мы принять на свой счет и то, что комментарий слишком «разноплановый» (часть следовало перенести в подстрочный аппарат к греческому тексту): на то была воля издательства и типографии.

Теперь — и только теперь — о главном: о том, имели ли мы право уверенно вынести в подзаголовок издания слова «Сочинение византийского полководца XI века».

Справедливости ради мы должны отметить, что в ходе полемики Каждан стремится не столько утвердить тезис о том, что Кекавмен был гражданским чиновником и не принадлежал к кругам провинциальной военной знати, сколько поставить под сомнение наш вывод о Кекавмене как полководце и выходеце из кругов провинциальной аристократии. Однако на деле этот нюанс не существует.

Сохраним и здесь тот порядок изложения, который принят Кажданом. Прежде всего он рассматривает наши выводы о социальных воззрениях современников Кекавмена: Михаила Атталиата, Продолжателя Скилицы и Михаила Пселла.

Впрочем, сначала несколько наших общих замечаний. Во-первых, тот «кодекс чести», который рецензент в ходе дискуссии постоянно имеет в виду, нашел четкое отражение в византийской литературе не в XI, а в XII столетии, при Комнинах. И нормами этого кодекса нельзя непосредственно измерять взгляды авторов XI в., вынося непреложный вердикт: аристократ — чиновник, «абсолютизируя», как выразился Каждан, воззрения того или другого вплоть до чисто индивидуальных склонностей и вкусов.

Во-вторых, сам Кекавмен, как мы старались показать, не принадлежал к элите военной аристократии, и вполне закономерно в его воззрениях нет ярких форм выражения интересов этой элиты (как их излагает рецензент по литературе XII в.).

В-третьих, систему взглядов может определять не только социальная принадлеж-

⁹ Бартиякян предлагает убрать слово βασιλικῆς (указ. соч., стр. 82).

¹⁰ Бартиякян предлагает: ἀμπελόνας, «виноградники» (указ. соч., стр. 76).

¹¹ Этим указанием я обязан М. Я. Сюзюмову.

ность предков (родовитость), но и принадлежность по сделанной индивидуумом карьере (хотя бы он и вышел из низов).

В-четвертых, наконец, в период, когда Кекавмен формировался как личность (30-е — 40-е годы XI в.), грани между двумя группами знати империи (чиновная бюрократия и аристократия провинций) были еще весьма проницаемыми: социальная вертикальная подвижность в верхах общества проявлялась еще ярко. Атталиат пишет, что при Константине X многие полководцы охотно одевали судейские мантии, оставляя военное поприще (Attal., p. 79).

Каждан ставит под сомнение нашу характеристику Атталиата, провинциала по происхождению, но судейского чина по карьере, как представителя скорее столичной бюрократии, чем военной аристократии провинций. Ибо: Атталиат благоволил горожанам, связывает свои надежды с Романом IV и Никифором III — вождями военной аристократии, порицает Михаила VII и признает благородство по происхождению. Но достаточно ли этого? Предок (по утверждению самого Атталиата) Никифора III Никифор II Фока отнюдь не жаловал горожан (а уж не этот ли царь — истинный военный аристократ), а «бюрократ»-временщик Иосиф Вринга принимал экстренные меры, чтобы константинопольцы не голодали. Преклоняясь перед своим благодетелем Никифором III, Атталиат донес представителю бюрократии Михаилу VII на полководцев, поднявших восстание во Фракии, резко осудил «родовитого» Льва Торника за мятеж. Благородство по происхождению признавал и Пселл, близкий к столичному чиновничеству.

Отвергая наш вывод о некотором сходстве воззрений Продолжателя Скилицы и Кекавмена, Каждан указывает на «симпатии» первого к синклиту, отметив, что этот автор пишет о синклите не два, а десять раз. Но мы не видим в упоминании Продолжателя о том, что Константин X держал речь перед «городским народом» и «синклитом», особых симпатий к синклитикам. Атталиат также пишет, что после речи василевс раздал награды «многим из синклита». В остальных же восьми случаях упоминания Продолжателя о синклите, так сказать, протокольно-безразличны и ни о чем не свидетельствуют.

Наконец, мы основывали наше мнение о сходстве взглядов Продолжателя и Кекавмена отнюдь не на одном тезисе (рецензент называет его «недоразумением») об их общем равнодушии к синклиту¹².

Особенно много внимания рецензент уделил нашей трактовке воззрений Пселла. Его труды заслуживают не одной специальной монографии; мы всячески оговорили во введении, что наши сопоставления «беглые», предварительные, основаны лишь на историческом труде («Хронографии») писателя и т. д. Тем не менее Каждан пишет, что мы «обеднили» образ мыслителя, сведя его взгляды к оправданию сословных интересов (но именно с этой стороны мы и хотели их рассмотреть). Рецензент даже возмущен нашей характеристикой нравственных устоев этого философа. Но здесь мы не можем уступить: в моральном отношении он куда ниже даже такого педанта, как Кекавмен (ни талант, ни ум, не могут служить оправданием). К тому же замечательные статьи Я. Н. Любарского, вскрывшего всю сложность психологии этого деятеля, не могли быть нами использованы, так как появились в печати в основном после 1968 г. Не абсолютизировали мы и противопоставление Кекавмена (как антипода по идейной позиции) Пселлу, подчеркнув, что по некоторым вопросам их взгляды чрезвычайно близки.

Главной критике Каждана подверглось наше утверждение, что «теоретически Пселл — безусловный сторонник демократической формы правления» (стр. 79). Каждан тщательно анализирует полупересказанный-полупереведенный нами пассаж из Пселла, на котором мы основывались, и заключает, что там говорится «как раз о противоположном» тому, что сказано нами.

Мы вынуждены привести здесь вызвавшую спор часть текста из Пселла и его толкования (или переводы), данные мною, П. Рено и Кажданом.

Пселл, II, гл. 134, р. 35:

ταῖς μὲν εὖ πραττοῦσαις πόλεσιν ἐκ τῶν ἀρίστων καὶ τῶν εὐγενῶν τε ἀμα καὶ ἀγενῶν οἱ κατὰλογοι, κἂν ταῖς πολιτικαῖς τάξεσι, κἂν τοῖς στρατευμασιν; οὕτω γοῦν Ἀθηναῖοι ἐπολιτεύσαντο καὶ ὁπόσαι πόλεις τὴν ἐκείνων δημοκρατίαν ἐζήλωσαν· παρ' ἡμῖν δὲ τοῦτ' ὁ καλὸν ἔρριπται καὶ ἡτισταται, καὶ λόγος οὐδεὶς εὐγενείας, ἀλλ' ἀνωθεν ἐκ κλήρου διαδοχῆς, Ῥωμυλοῦ πρώτου ἀρχαμένου τῆς ταιαύτης συγχύσεως, ἥ τε σύγκλητος διέφθαρτο, καὶ ὁ βουλούμενός ἐστι δημοκρατίας. Ἀμέλει πλείους ἂν εὐροί τις παρ' ἡμῖν αἰσφόρους τὴν στολὴν μεταλλάξαντας...

Н а ш п е р е с к а з - п е р е в о д .

«В древности власть вручалась лучшим, будь то гражданские или военные лица. Таким был порядок в Афинах, и много городов завидовало демократии афинян. «Теперь же это лучшее отбрасывается и презирается». Нет и речи о благородстве, власть передается по наследственному жребью (с тех пор как начался впервые этот беспорядок) — с Ромула». «Синклит погублен, и каждый желающий — гражданин. Конечно, кто-не»

¹² Укажем в скобках: замечание, что мы пользуемся боннским изданием Продолжателя (в отличие от рецензента, ссылающегося на новое критическое издание), можно было бы сопроводить оговоркой об отлочно известном рецензенту факте — это издание ни в момент написания работы, ни во время корректур нам не было доступно (см. Addenda et corrigenda).

будь нашел бы и у нас немало (недавно) кожух носивших и сменивших его на дорогое платье...».

Перевод Рено (для удобства даем его по-русски)

«В хорошо управляемых городах списки граждан были составлены из лучших — как благородных, так вместе с тем и неблагородных, будь они из гражданских или из военных кругов. Так, по крайней мере, управлялись афиняне и все те города, которые старались подражать их демократии. Но у нас это прекрасное установление отброшено и пренебрегаемо. Не придаю никакого значения благородству. И ведется это зло с его появления и является наследственным жребием (ибо Ромул первым совершил это смятие); сенат погублен, и всякий, кто хочет, оказывается гражданином. Воистину, у нас нашли бы немало людей, которые некогда, будучи носителями грубой туники, переменили одежду...» (р. 35).

Каждан дает краткий пересказ (излагает смысл) этого места: «В древности у афинян и в городах, подражавших их демократии, высоко ценилось благородство (а где же оценка этого рода правления? — отметим попутно). У нас же это благо утеряно, и благородство не уважается... Оно (благо) было утеряно издавна, и такой порядок передавался по наследству... Ромул — родоначальник таких порядков (?!). Синклит загублен, и первый попавшийся становится гражданином. Безусловно, у нас найдутся подобные выскочки...» (далее — без существенных отличий).

Каждан отмечает нашу ошибку: по наследству со времен Ромула передается не власть, а беспорядок. Справедливо. Далее, однако, он утверждает, что, придав уступительное значение (не оправданное текстом) фразе со слова *Ἀμέλει*, мы серьезно исказили мысль. В чем? Нам осталось неясно. Если нет уступительного значения, есть сослагательное. Мысль же — одна и та же: у нас, утверждает Пселл, как и в Риме со времен Ромула, всякие выскочки становятся (почетными) гражданами, т. е. полноправными ромеями. Мы не усматриваем в отмеченном рецензентом нюансе тех важных следствий, на которые как на само собою разумеющиеся намекает Каждан.

Рецензент обвиняет нас в том, что мы видим здесь указание только на царей, тогда как Пселл имеет в виду высокопоставленных вельмож. Но в нашем изложении не сделано такого заключения. Не утверждали мы и того, что Пселл не признает личных качеств государя.

Главное, однако, не в этом. Действительно ли Пселл в приведенном пассаже противопоставляет благородство демократии, как толкует это место рецензент? Действительно ли Пселл не высказывает симпатии к афинской демократии? Ведь только при утвердительном ответе на эти два вопроса можно говорить, как делает Каждан, что Литаврин вычитал у Пселла «противоположное» смыслу высказывания философа.

Пселл одобительно отозвался о демократии (это — та форма правления, при которой «хорошо» обстоит дело в Афинах и там, где им подражали). Если здесь и имеется какое-либо противопоставление, то противопоставляются афинская демократия и римские (т. е. и византийские) порядки, начиная с Ромула, давшего гражданство не «лучшим» из гражданских или военных (безразлично), а всякому сброду. Но в Риме и Константинополе — монархия... На чьей же стороне «теоретически», как мы писали, Пселл?

Каждан отвергает наше замечание, что Пселла мало интересует народ, на том основании, что он упоминает среди категорий жителей империи городской плебс, земледельцев и торговцев. Добавим: рассказывая о восстании в столице в апреле 1042 г., Пселл упоминает ремесленников и вообще рядовых горожан целых 10 раз, а то и больше! Мы свое заключение сделали не на основе подобных ссылок, а на том основании, что Пселл всячески восхваляет налоговую политику Михаила IV и Михаила VII, хотя даже синклитики — его современники — с горечью пишут о тех страшных бедствиях для народа, которые влекла за собой эта политика.

И последнее: опровергая нашу гипотезу (о том, что это именно гипотеза, не упомянуто) о возможных в трех местах в сочинении Кекавмена намеках на Пселла, Каждан — совершенно неожиданно для нас — заключает, что мы усмотрели подобного рода намеки на Кекавмена и у Пселла. Но в том месте, на которое указывает рецензент, мы этого не утверждали: там идет речь о нашем общем выводе о Пселле и Кекавмене как о представителях враждебных группировок знати, а не резюмируется смысл последнего абзаца.

Что же касается возможных выпадов Кекавмена против Пселла, философа, выступающего в роли «дипломированного» льстеца и приспешника (стр. 71—72), то мы продолжаем считать наше предположение вполне закономерным. Вряд ли высказывания автора, отмеченные нами, — просто топоры дидактики. Если мы рисковали переоценить значение некоторых ремарок автора, то при позиции Каждана есть не менее серьезная опасность их недооценить.

Сближая Кекавмена с Пселлом, рецензент указывает на то, что Кекавмен благоволил Иоанну Ксифилину, «другу Пселла». Но патриарх Ксифилин в те годы, когда писал наш автор, совсем не был другом Пселла; «благоволить» же Кекавмен мог хотя бы только потому, что Ксифилин помог свату Кекавмена, Никулице Дельфиу.

Показав «нечеткость» установленных нами различий во взглядах между современниками Кекавмена — авторами исторических сочинений — и различий между ними и Кекавменом, рецензент переходит к наиболее важному — в противоположность нам

выдвигаются два тезиса: 1. Нет данных о том, что Кекавмен — полководец; 2. Нет данных, что он вообще, вышел из среды провинциальных военных.

Первый тезис доказывается посредством анализа сведений о родственниках Кекавмена, о нем самом и о лицах, носивших то же родовое имя (Кекавмены). Как это делается?

Признается, что «дальние предки» (1) Кекавмена происходили из армянских и болгарских военных (полководцев), но не упомянуто, что эти «дальние предки» — деды автора и по отцу, и по матери. Об отце замечено, что сведений о том, кем он был, нет — не сказано, что жил отец (а значит и отрок Кекавмен — речь идет о 30-х годах XI в.) в провинции, лишь изредка наезжая в Константинополь и посещая там видных родственников (т. е. отец автора «сидел в проастии», как выражается сам Каждан, говоря о военных провинциальных аристократах). Назван дядя или двоюродный брат Иоани Майос, который «был стратигом, а потом занимался откупом — не отмечено, что откупа брали, и не отказываясь от официальной должности (если ее имели — а Майос являлся стратигом), т. е. «был... потом занимался» — просто гипотеза рецензента. Вопреки вполне понятному интересу, проявляемому Кажданом в связи с его исследованиями к родичам византийских знатных лиц по брачным связям, здесь среди родственников Кекавмена почему-то не названы: сват Кекавмена-деда Никулица Старший (полководец, стратиг), сват самого автора Никулица Дельфин — полководец.

Итак, упомянуты не просто «дальние предки», отец и Майос, а 6 родственников Кекавмена, из которых 5 — несомненно, военные (об отце просто нет сведений). Причем все это — провинциалы (исключая Майоса), и жившие, и служившие преимущественно в фемах, а не в столице. Военные провинциалы. Явно — не рядовые люди. Кто же это, по мнению рецензента, считающего наш вывод сомнительным?

О самом Кекавмене мы знаем всего три факта, два из которых слишком глухи для суждения (был во дворце во время восстания 1042 г., занимал какой-то пост в Элладе). Но один факт вполне ясен — в 1040—1041 г., во время похода Михаила IV против восставших болгар, «я сражался тогда за василевса» (стр. 282.28), — пишет Кекавмен. Каждан, как и мы, отмечает скудость этих сведений, но опять-таки менее всего склонен оценить наиболее бесспорный факт — Кекавмен «сражался за василевса».

Говоря о лицах, носивших в XI — начале XII в. имя Кекавменов, Каждан устанавливает, что один из них — полководец, второй — явно чиновник, третий — неизвестно кто, если «оставить в стороне» еще одного — Катакалона Кекавмена, так как не доказано, что он идентичен нашему автору. Но почему же «оставить в стороне»? Остальные — также неизвестно, кем приходились нашему автору. Катакалона же следовало назвать в первую очередь — этот крупнейший полководец империи середины XI в. нес свою службу как раз в те годы, когда и Кекавмен «сражался».

По мнению Каждана, мы расцениваем как «важнейший аргумент» тот факт, что Кекавмен написал стратегикон. Ничего подобного: мы отмечаем, что стратегические трактаты писали и Лев VI, и Константин VII, и Пселл, никогда не принимавшиеся за ратный труд (см. стр. 59), и придаем этому не больше значения, чем тому факту, что прославленный полководец Никифор Уран (кстати говоря, автор стратегикона) сочинял стихотворные гимны в честь богородицы... Важно для нас здесь, — не что, а как писал. Писал Кекавмен как блестящий знаток своего дела, свободно и легко оперирующий стратегемами, а не «пережевывающий» литературную традицию стратегиконов.

Тем не менее, на взгляд Каждана, воинский опыт Кекавмена весьма ограничен. Почему же? Да только потому, что он нигде не говорит о собственных воинских подвигах и привычках. Но такого нет ни в стратегиконе Никифора II Фоки, ни в стратегиконе Урана. Значит, сообщения хронистов об их победах — не более, как мистификация?

Весьма важным для суждения о социальной среде Кекавмена рецензент считает тот круг лиц, которых наш автор упоминает в своем сочинении. Согласимся: память избирательна (даже безотчетно). Каждан исключает из рассмотрения — и это верно — василевсов и иноземцев. Особо выделяет лариссян. Прослеживает судьбы представителей упоминаемых Кекавменом фамилий до конца XII в. (прием в данном случае неоправданный). Отмечает, что среди них нет лиц, относящихся к аристократическим родам Далассинов, Комнинов, Докианов и, напротив, немало гражданских чиновников или лиц «незнатного происхождения».

Вывод рецензента: одних Кекавмен хвалит, других порицает, к третьим нейтрален. Но ясно — в поле его зрения прежде всего гражданские лица или представители незнатных семей.

Особенность подхода рецензента состоит при этом в том, что в число этих людей им зачислены все лариссяне (в том числе — родичи Кекавмена и его сват — полководец Никулица Дельфин) и все военные, если они — не Далассины, Комнины и Докианы... Кроме того, в перечень вообще не попали: глава гарнизона крепости Сервия Магирин, стратиг Рагузы Катакалон Клазоменит, подчиненные дукле Фессалоники военный Зеппе, полководец болгарского происхождения Алусиан, стратиг Гидрунта Малапецис.

Как же дело обстоит в действительности? Военные: Никулица Старший, Димитрий Полемарх, Кекавмен-дед, Иоани Майос, Никулица Дельфин, Василий Монах, Василий Педиадит, Михаил, сын логофета, Андроник Филокали, Константин ректор, Магирин, Зеппе, Катакалон Клазоменит (итого 13). Гражданские: Иоани Орфанотроф — временщик, Никифорица — временщик, Сервия — пратор, Георгий Коринфский

(итого 4). Лица, род занятий которых неизвестен: Кекавмен-отец (сын военного), Ной (династ Димитриады, властвовавший в крепости Димитриада), Григорий Вамвака, Веривой, Григора, сын Никулицы, Иоанн Гриммианит, Димитрий, брат Никулицы, Феодор, брат Никулицы, Феодор Скривона Петаст, Славота Кармалак, Панкратий, сын Никулицы (итого 11). Духовные лица: Иоанн Ксифилин — патриарх, Иоанн Ларисский — епископ.

Итак: 13, 4, 11 и 2. Кто же «в поле зрения» Кекавмена? А следовало бы еще учесть, что среди «неизвестных»: глава крепости (Ной), четыре близких родственника стратига Никулицы Дельфина и два участника похода восставших в 1066 г. фессалийцев.

Трудно поверить, что соотношение названных цифр (13 военных и 4 гражданских) укрылось от рецензента. Нет, конечно. Попросту он не считает военными аристократами всех, кто не был связан с названными родами аристократической элиты или столетием позже имел среди родственников или однофамильцев гражданских чиновников. Вся аргументация Каждана построена таким образом, чтобы всячески элиминировать два непреложных факта: все кровные родичи автора — военные, причем — преимущественно провинциалы («сидевшие в проастиях»), большинство лиц «в поле его зрения» (причем — подавляющее большинство!) — также военные.

Следующими доводами рецензента являются еще два тезиса: 1. Кекавмен хвалит временщика Никифорицу — врага военной аристократии; 2. Взгляды Кекавмена на другого временщика (также — врага военщины), Иоанна Орфанотрофа, и императора Михаила IV не столь уж отличаются от взглядов Пселла, как это представил Литаврин.

О первом тезисе скажем кратко: Кекавмен писал свой опус во время всевластия Никифорицы (сколь ни интимны его советы, а первейшая заповедь — осторожность), а главное — Никифорица облагодетельствовал свата автора Никулицу, отца невестки Кекавмена.

На втором тезисе остановимся подробнее. Каждан обвиняет нас в том, что мы вырвали из контекста «Хронографии» Пселла фразу об Орфанотрофе — «никому не причинил зла», а на деле будто бы Пселл в целом, как и Кекавмен, резко осуждает Орфанотрофа, и смысл приведенной фразы должен быть примерно передан так: «держал всю страну в страхе, даже не прибегая к насилию».

Мы вынуждены привести контекст — «Хронография», I, гл. 12, стр. 59: «А об этом человеке мы хотим в нашем повествовании поведать кое-что большее, т. е. рассказать нечто ни суетное, ни ложное, так как я сам юношей видел этого мужа, слышал, когда он говорил, был рядом, когда он действовал, и досконально изучил его. Я знаю и о том, что служит ему к похвале, я осведомлен и о том, что не слишком достойно. До крайности, впрочем, смешались в нем те и другие черты. Наготове он держал разум и был проникновен, как никто другой, — свидетелем тому у него самый его взор, пронзительно смотрящий. Заботливо вникая в дела и проявляя себя при этом чрезвычайно неутомимым, он оказался весьма опытным во всем, а особенно находчивым и дальновидным его признавали в казначейских сборах. Стремясь к тому, чтобы никому решительно не быть причиной тяжелой беды, а также чтобы не подвергнуться чьему-либо презрению, зла он не причинил никому, но останавливая на многих суровый взгляд и тем самым пугая их, одним внешним видом приводил в уныние. Ибо весьма многие, испуганные его внешностью, воздерживались от дурных дел. Посему он был воистину оплотом и братом для василевса, так как ни днем, ни ночью не избавлялся от забот. Даже предаваясь удовольствиям и оказываясь на пиру, на церемонии, на празднестве, он не пренебрегал требующими внимания делами. Буквально ничто не укрывалось от него, да и не было никого, желающего укрыться, ибо всякий страшился и боялся его надзора. Даже посреди ночи, внезапно сев на коня, он исследовал любую часть столицы, подобно молнии пронизывая каждый жилой закоулок. Итак, подозревая неограниченность его слежки, все сдерживались и таились, каждый жил сам по себе, избегая общения друг с другом...».

Чего больше в этой разносторонней характеристике (восторга или осуждения), пусть судят другие.

Согласно другому месту, пишет Каждан, Орфанотроф «губил добродетельных людей». Приведем и этот пассаж из Пселла (гл. 14, стр. 60—61):

«Распутно живущими он начисто пренебрегал. Если же кто-либо избирал благоприличную жизнь или пребывал в добродетелях вполне непринужденно, или украшал свою душу внешним знанием, всем им одинаково он стоял поперек пути, и делая каждому что-нибудь, обесценивал цель их устремлений. Столь нелепо он держал себя по отношению к чужим людям, а к василевсу, своему брату, сохранял, не меняя и не переиначивая, одно и то же расположение, сберегая ровность своего права...». Итак, Орфанотроф «губил добродетельных»?

О несправедливости этого лица, по мнению рецензента, сказано у Пселла в гл. 15 (стр. 61): «Из всех пяти братьев автократор Михаил был как бы противоположностью им по праву. А евнух Иоанн... занимал второе место по добродетели после автократора, а по сравнению с прочими братьями и он был недоступен для сопоставления. Итак, чтобы выразиться яснее, он был противоположностью автократора в поведении по отношению к трем братьям. Сравнительно с ним Иоанн во многом проигрывал, но проявлял вместе с тем и большое сходство с ним. Ему также не нравились испорченность братьев. Но, будучи братолюбивым больше, чем любой другой из них, он не

хотел привлекать их к ответственности за то, что они содеяли, а, утаивая их неправые поступки, он предоставлял еще большую свободу их помыслам, причем так, чтобы о них не было известно автократу...».

Итак, можем ли мы согласиться с Кажданом, что характеристики Орфанотрофа у Пселла и Кекавмена в целом сходны? Не можем.

Еще менее правомерными мы считаем суждения рецензента о сходстве отзывов Пселла и Кекавмена о Михаиле IV. Каждан указывает на то, что оба автора высоко ценят личные добродетели этого императора, что Кекавмен хвалит его воинские успехи и одобряет дипломатическую хитрость. Но, во-первых, мы говорили об оценке Кекавменом не личности, а политики Михаила IV (см. стр. 67). Во-вторых, наш автор нигде не пишет о воинских успехах Михаила — он сообщает о подвигах Гаральда Гарддрада в походе Михаила против болгар. В-третьих, и дипломатия этого василевса непричем — «распорядители дворца» задумали захватить землю Доброны, слишком часто торчавшего в Константинополе.

Главное: Кекавмен пишет специально о Михаиле IV только раз, в связи с советом императору держать в узде своих родичей, чтобы они не чинили произвола. И правление Михаила IV приведено при этом как худший пример (несмотря на его личные добродетели) — он не исполнил царственного долга, отойдя от дел и все передав в руки корыстолюбивым родственникам. Мы также пишем о том, что Кекавмен ценит личные качества этого царя; несомненно, наш автор знал (и кто мог не знать — ни тайной, ни сплетней это не было) о тяжком недуге Михаила (эпилепсии). И все-таки Кекавмен осуждает политику Михаила, так как ведет речь не о личных делах, а о деяниях главы империи. В данном случае нельзя отказать посредственному теоретику Кекавмену в трезвости суждений.

Выводы Каждана о мировоззрении Кекавмена — заключительный аккорд рецензии, который, по мысли автора, в значительной мере уже подготовлен предшествующим изложением (система взглядов Кекавмена — не полководца, не представителя военной аристократии — соответствует скорее воззрениям представителей чиновничества, чем военачальников).

В пользу этого, по мнению рецензента, свидетельствуют такие идеи Кекавмена: «Все люди — дети одного Адама», каждый должен знать свое место, бедняк пусть не зарывается, нельзя пренебрегать советом простого человека, не следует отказываться от службы в феме, личная активность — путь к успеху, необходимо соблюдать крайнюю осторожность, заслуживают наград и храбрый стратигот, и усердный нотарий.

Стоит ли отвечать на эти доводы? Изложенные здесь мысли Кекавмена не лишены интереса (мы их также рассматриваем во введении), но утверждать, что они не могут принадлежать полководцу, выходцу из провинциальной аристократии средней руки, вряд ли можно всерьез.

Из системы таких аргументов Каждана мы выделили бы три: 1. Благородство в представлениях Кекавмена «этически окрашено»; 2. Его военные советы — призыв к хитрости и изворотливости как главному средству борьбы — подобны советам Евмафия Филокали, полководца Алексея I, вышедшего из низов; 3. Кекавмен дает советы императору, как подчинять независимых феодальных князьков — топархов.

Во-первых, нельзя сказать, чтобы Кекавмен совсем не говорил о «крови» как свойстве знатности: см. стр. 204.8 — о жене некоего судьи «из благородной семьи», сестре стратига, а также — стр. 280—284: о Петре, Сенахириме и Аральте (тот факт, что они иноземцы, в данной связи дела не меняет). Да и сам рецензент отмечает, что в той формуле «благородства», которую он вывел сам на основе византийских памятников, «высокая мораль» — неременный компонент.

Во-вторых, к хитрости призывали и суровый воин, талантливый полководец Никифор II Фока, и благороднейшая царица, дочь Алексея I Комнина Анна.

В-третьих, Кекавмен дает также советы топарху, как избежать зависимости от императора. И наиболее существенно при этом прямое его высказывание, что положение независимого обладателя даже небольшой области, безусловно, предпочтительнее положения служилого лица, получившего огромные владения, но живущего под страхом лишиться всего по капризу деспота (стр. 298—300). Это ли не идеал военного аристократа, провинциального землевладельца, «сидящего в проастиии»?

Разбирает рецензент и так называемые «формулы стратификации» населения империи, приводимые Кекавменом. Их три. Избавляем читателя от их пересказа. Тенденция анализа у Каждана при этом едина: показать, что во всех трех формулах Кекавмена либо нет места для военной аристократии, либо это место не выделено особо; напротив — во всех трех формулах непременно имеется в виду чиновничество (в первой это — «высшие чины», обладающие парисией, и низшие — *oi xátw* — отнюдь не простолюдины; во второй — это архонты, служащие царю и его сопровождающие, а не находящиеся в отдалении в провинциях; в третьей — это синклитики, а возможно — и секретники, к которым наш автор питает не меньшее уважение, чем к упомянутым в формуле стратиготам).

Заметим прежде всего, что при подобном подходе к сходным формулам Пселла и Атталиата мы также получим то заключение, какое хотим. Кроме того, в первой формуле *oi xátw* на стр. 120.29 — это не чиновники, а именно простолюдины, частные лица, не обладающие ни властью, ни достаточным имуществом, чтобы помочь попавшему в беду, а способные лишь сострадать. Ссылка Каждана на стр. 126.4, где *oi xátw* —

несомненно, низшие чиновники, неправомерна: это «низшие» именно, среди чиновничества, а в первом случае — «низшие» среди граждан вообще. *Oi xato* не имеет технического смысла.

Далее. «Архонты» у Кекамена — люди, обладающие властью. Но отнюдь не одни столичные сановники, а также и все те, кто по фемам командует войсками. А такими были и Фоки, и Дуки, и Цимисхий, и Вурцы, которые страшно обижались, если императоры не позволяли им, представителям элиты военной аристократии, «окружать» и «сопровождать» себя, а заставляли «сидеть в проастиях». В таких случаях они сплошь и рядом поднимали грозные восстания.

Третья формула говорит сама за себя (или вообще ни о чем нужном в данной связи не говорит)...

Мы кончили, оставшись при своем мнении: аргументы Каждана не поколебали наших представлений о личности и мировоззрении Кекамена.

Это отнюдь не означает, что мы отвергаем все соображения, которые Каждан высказал в своей рецензии. В ней содержится немало интересного. Прежде всего она убедила нас в том, что необходимы более четкие критерии, позволяющие разграничить военную провинциальную аристократию и чиновную знать XI столетия. Краткие ремарки Каждана на стр. 164—166 позволяют заключить, что его подход к вопросу существенно отличается от нашего: он готов считать военной знатью только представителей потомственной землевладельческой аристократии, «благородной» издревле. Спрашивается, однако, как определить социальную принадлежность тех, кто поднялся в военную среду из низов, из гражданского сословия, из иноплемеников? Когда этих лиц можно считать «акклиматизировавшимися» в среде военной знати? Когда они обрели сходное социальное сознание? Или не обрели его вовсе, сохраняя из поколения в поколение приверженность к воззрениям предков? В какой мере сознание «наследует» и в какой — формируется в зависимости от жизненных условий и влияния той среды, частью которой личность стала?

Как оказалось, все что заслуживало рассмотрения прежде, чем мы взялись судить о социальной принадлежности и взглядах Кекамена.

Неясны, видимо, и такие часто используемые в историографии понятия, как «крупная» и «средняя» прослойка знати в среде и военной аристократии, и гражданского чиновничества, на что справедливо уже обращено внимание Г. Л. Курбатовым в его рецензии¹³.

Г. Г. Литаврин

А. П. Каждан. Книга и писатель в Византии. М., 1973, 151 стр.

Видный советский византист А. П. Каждан давно уже выступает как популяризатор гуманитарных знаний; ему принадлежит несколько интересных и полезных научно-популярных книг по истории, вспомогательным историческим дисциплинам, истории религии.

Новая работа А. П. Каждана посвящена культурной истории Византийской империи. Она состоит из пролога и четырех глав. В конце помещен вспомогательный материал: примечания, список основной литературы и указатель имен, составленный И. С. Чичуровым.

В первой главе (она называется «От знания до творчества») рассказывается о писчем материале, форме книги (церы, свиток, кодекс), ее внешнем оформлении, включая миниатюры и орнамент, о писцах и их труде. Вторая глава («От буквы до знания») посвящена византийской системе образования: здесь идет речь о начальной и высшей школе, о методах обучения, о положении учителя и образованного человека вообще, о тех, кто, подобно Иоанну Цецу или неизвестному педагогу начала X в., зарабатывал себе на жизнь литературным трудом и обучением юношества.

Третья глава («От знания до творчества») почти целиком отведена Никите Хониату, которого А. П. Каждан справедливо называет «одним из самых своеобразных византийских авторов» (стр. 82). Эта глава представляет собой новый и свежий этюд о Хониате, показывающий мало или вовсе еще не раскрытые особенности и характерные черты его творчества, его писательской индивидуальности. Наконец, последняя глава («От творца к читателю») открывается вопросом — какими путями достигали литературные памятники тех, для кого они были написаны? Автор показывает различные пути распространения художественных произведений и их место в общей духовной жизни народа. Тут говорится о византийском театре, о мистериях в составе богослужения, о богослужении, в котором сохранялись элементы театрализованного действия, правда, принципиально на иной основе, чем это было в античном театре. Далее, автор переходит к литературным жанрам в средневековой греческой литературе, отмечая их разнообразие и бегло характеризуя исторические сочинения, хронографы, агиографию, литургическую поэзию, византийскую сатиру, любовную лирику. Заключается эта глава изложением некоторых сведений о византийских библиотеках и судьбах византийских книжных собраний в последние века существования империи и после ее падения

¹³ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 160.